

2008-2018: десять лет газете АН Москвы

В июле 2008 года вышел первый номер газеты «Только Сегодня». Мы решили отметить это событие, вспомнить, как зародилась газета, и попросили рассказать об этом первых ее служащих.

Привет, меня зовут Виталий, я зависимый.

В 2008-м году у меня было где-то полгода чистого времени, и меня выбрали представителем от моей домашней группы в Литкоме. Рабочие собрания комитета проходили на Шверника раз в месяц. Мы приезжали покупать литературу для группы. Я приходил на комитет и не особо понимал, что происходит. Но я точно знал свою задачу – купить литературу для группы. Мы сидели полтора часа, председатель что-то рассказывал, мы обсуждали, за что-то голосовали. В одно из таких собраний, одна из участниц, Таня-Чудо, предложила идею: она сказала, что в параллельном сообществе есть газета, и показала нам эту газету, и предложила сделать такую же у нас. Мы подумали, почему бы и нет. Все проголосовали за – давайте делать газету, это круто.

Это нужно было заголосовать на МКО, и там тоже все проголосовали за то, чтобы газете быть. Я помню, что когда председатель Аня сказала – «А теперь поднимите руки те, кто хочет принимать участие в создании газеты?», никто не поднял руки. Кроме, естественно Тани-Чудо, которая предложила идею, и Гены, представителя одной из групп. Гену я знал, потому что мы с ним ходили на группу Сокольники. Гена сказал, что он может верстать. Он был дизайнером и умел рисовать. А я поднял руку и сказал, что я ничего не умею делать, ни писать статьи, ни верстать – ничего, но я хочу участвовать в этом и помогу, чем смогу. Так собралась инициативная группа.

Нас было три человека – Таня-Чудо, Гена и я. На следующее собрание Литкома Гена принес «рыбу» первого номера. Он напечатал ее на листе А3, сделал логотип и название. Там не было ни статей, ничего – только разметка места для статей. Все начали говорить, что надо придумать название, голосовать за него. А оно уже было, название, – «Только Сегодня». И я помню, что особо никаких других предложений не было. Гена сказал такие слова – «Я просто для пробы это делаю. Это будет выглядеть вот так. Я написал первое, что пришло мне в голову, таким шрифтом. Все за?». И все проголосовали за. Название и логотип остаются неизменными до сего дня.

Мы начинали собираться втроем в парке Сокольники, в кафе. Весной и летом мы собирались где-то раз в неделю, и у нас не было председателя. Мы сделали первый номер. Потом появилась Настя, которая в последствии стала главным редактором газеты. Одной из задач было найти бумагу для печати. Мы решили, что было бы прикольно печатать ее на газетной бумаге. Оказалось, что довольно непросто найти газетную бумагу, потому что ее нигде не продавали. Это можно было сделать в огромных типографиях, где печатали обычные газеты в больших форматах, но там не брали наши маленькие тиражи, мы планировали 500 экземпляров. Гена каким-то образом нашел настоящую газетную бумагу с плотностью 40 микрограмм на метр где-то в Питере, купил эту бумагу, забрал со склада. Он нашел типографию, которая печатала на каком-то старом ризографе. Вся газета уместилась на один лист А3 с двусторонней печатью.

Сначала мы хотели выпускать газету раз в месяц, но по факту этого не получалось. Мы продолжали существовать как инициативная группа «Газета Только Сегодня» внутри Литкома АН Москвы. На задней стороне газеты мы всегда печатали спикерскую. Потом печатали новости. С новостями у нас не срослось, потому что мы никогда не попадали в тираж. Тогда же не было Whatsapp, не было группы Чистое Время в Facebook. У нас была только электронная почта. Быстро получать новости не удавалось. Все новости приходили от ЧРК на МКО. Мы пытались сами мониторить мировой сайт АН. Но получалось так, что мы печатаем новость, газета выходит, а событие уже прошло. Мы отказались от новостей.

Я не умел ничего писать, поэтому координировал всех и ездил на Литком - меня выбрали ответственным координатором от газеты. Со временем у нас в газете собрался костяк из тех, кто не служит в Литкоме, а занимается только газетой. Мы собирались сами по себе и были обособлены от жизни комитета. У нас был бюджет 500-1000 рублей, который мы платили за тираж газеты. Моя задача заключалась в том, чтобы взять деньги, заплатить за тираж, забрать его из типографии, отвезти на МКО и раздать всем. Тиража в 500 экземпляров хватало на все 13 или 15 групп, которые были тогда в Москве, и мы довольно долго не увеличивали тираж. Групп было немного, расписание всех групп помещалось на одной визитке. На одной стороне визитки было написано: «Любой наркоман может прекратить употребление. Некоторым это удастся при жизни», а на другой стороне был список всех групп, которые были в Москве.

Пон
ачалу мы думали, что надо будет развозить газету по группам, но это было проблематично. Мы пытались ввести служение почтальона – человека, который отвечал бы за то, чтобы газета попадала на группы. Но это служение не прижилось, потому что одному человеку пришлось бы отвозить на 10-12 групп, а за один день можно съездить только на одну группу, и это заняло бы очень много времени. Сначала мы раздавали газету на Литкоме, когда кто-то приезжал за литературой. Но в итоге, мы пришли к выводу, что лучше распространять газету на МКО, где собираются представители всех групп. Первые два тиража мы считали для каждой группы. Например, эта группа маленькая, здесь 15 газет, на другой 10, и раскладывали их по конвертам. А потом уже стали раздавать кому сколько нужно.

Все
это длилось несколько лет. Иногда вводились новые рубрики. Но всегда основной рубрикой

была личная история. Главная статья была «на злобу дня». Главным редактором была Настя, Гена был дизайнером, верстальщиком и отвечал за печать. Я был координатором-председателем, но это было довольно условно. Остальные были корреспонденты, они делали статьи. Потом мы создали «гугл-группу», где все почты объединили в одну, где мы переписывались и куда скидывали всю нашу наработанную информацию. Настя всех подгоняла, потому что она не успевала все делать. Потом они с Геней верстали и печатали.

Я

думаю о том, почему меня это все так увлекло, и я так долго там пробыл. У нас подобралась группа единомышленников, все мы были друзьями и занимались служением, нам это все было в кайф, мы занимались этим без напряжения. Мы друг друга не торопили. Могли даже решить не собираться, а обсудить все в гугл-группе. Все это проходило на расслабоне. Литком занимался своими делами. Никто нам не звонил и не спрашивал, где газета, почему газета не вышла. Когда я начал служить, у меня было полгода чистого времени, и у всех участников было примерно столько же. Знания каких-то традиций у нас не было.

Однажды мы решили сделать статью о том, как писать Шаги. Мы сделали статью про разные методики написания шагов, включая методики других сообществ. Мы не сообразили, что это не укладывается в традиции Анонимных Наркоманов. Это сейчас понятно, а тогда мы только почувствовали, что делаем что-то не то, и решили не упоминать названия сторонних организаций, обозначили завуалированно все это «быстрыми» шагами по такой-то или такой-то системе, и взяли интервью у, так сказать, адептов разных «конфессий». Мы все это напечатали и отдали на группы, ведь у нас не было никакой цензуры.

А

потом статью прочитали «впередиидущие»... Я пришел на МКО и мне сказали: «Ребята, вы что?! Так нельзя!». А я стоял на МКО и доказывал, что они не правы, отстаивал на своем эгоцентризме «честь инициативной группы» и свою правоту. Говорил, что нет, все в рамках Традиций, мы же не упоминали названия сторонних организаций. Разрешилось все тем, что нам просто сказали, что так делать больше не надо. Мы не стали уничтожать тираж, не стали изымать номер из оборота, не стали бежали за границу, нас никто не снял со служения. Сейчас я понимаю, что это был косяк. Но на тот момент я был уверен, что мы все сделали правильно.

Долгое время ничего нового не происходило. Стали приходиться новые люди. Оглядываясь назад, могу сказать, что те пять лет, что я занимался газетой, у нас все шло по накатанной. Мы не создали подкомитет, не создали структуру служения, у нас даже не был написан устав нашей инициативной группы. Мы просто занимались газетой.

К

концу нашего служения мы все немного подустали. У нас не было ротации, и последний год мы

выпускали газету раз в три месяца, потому что появилась расхлябанность. Мы больше не хотели этим заниматься, у нас не было ни сил, ни ресурсов, а новые люди не приходили. Были периоды, когда только три человека тянули газету, т.е. спикерскую сделали, все остальное как-то напридумывали, Настя это как-то скомпилировала – всё, газета готова. Нам было хорошо вместе, но мы уже это не тянули. Примерно за год до того, как газета стала подкомитетом, пришло понимание, что надо предавать все это дело, но не было людей в нашей инициативной группе, которые бы сказали: «Да, мы это берем!». И мы решили, пойти на МКО и сделать заявление о том, что, мы уже переслужили, что это неправильно и нам срочно нужны новые люди. Я сообщил дату работы газеты и объявил о том, что все, кто хочет служить в газете, пусть приходят на Базу. Мы решили, что если никто не придет на это последнее собрание, значит мы завязываем и никаких газет больше не будет.

Из нас троих я пришел туда один, хотя мы договаривались прийти на последнее собрание подкомитета и провести презентацию все вместе. Начали подходить люди, Аня, Гриша (был председателем после меня), и говорить, что они хотят участвовать в газете. А я был уже в настроении – «хотите – участвуйте, газета ваша!». Гриша немного злился, что я председатель, а ничего не делаю. А мне уже и делать ничего не хотелось, лишь бы спихнуть это дело и закончить.

Byл такой момент, когда газета могла закончить свое существование, но этого не произошло. Я тогда вообще не думал о том, что мы стоим у истоков чего-то такого, что просуществует 10 лет. Если честно, для меня это чудо. Однажды нам выделили помещение ВИЧ-центра на Покровке, в центре Москвы на Красных Воротах. Там собирались все подкомитеты. Это было самое крутое время, когда у Газеты было свое помещение. Там стояли кожаные диваны, стол. Мы туда приходили, были одни и занимались своими газетными делами. Это продолжалось год-полтора. Потом этот Фонд закрылся, и весь НА оттуда выгнали. Мы метались в поисках помещения. Собирались в кафе, парках. Летом мы собирались в Сокольниках, в Екатерининском парке. Собрание подкомитета у нас выглядело так: мы приходили в парк, расстилали одеяло, я варил чай на горелке, и мы что-то обсуждали. Для нас это был такой пикник, в таком формате все и происходило, мы не читали никакую преамбулу. Для меня это

служение связано с этими посиделками в парках и с помещением на Покровке, когда мы после подкомитета шли в кинотеатр 35mm смотреть кино. Когда мы собирались, например, в Старбаксе на Курской и начинали обсуждать какие-то принципы и традиции, то начинали спорить, орать, галдеть. Другим посетителям это не нравилось, поэтому кафе тоже не подходило для сбора, и зимой было очень сложно где-то собираться.

Читаю ли я газету сегодня? Если честно, нет. Последний раз читал, когда газета форматом стала больше, как журнал. Сейчас, когда я беру газету в руки, мне становится тепло на душе от того, что она просто не умерла. Мне очень радостно от этого. И хотя я уже давно не верю в чудеса, стал взрослее в своем выздоровлении, я понимаю, что это не чудо, а просто вот так сложились обстоятельства, что должен был кто-то подхватить эту эстафету. Так всегда бывает, что хорошее дело никогда не умирает. Но все равно, когда я беру эту газету, всегда думаю, что могло бы случиться так, что это дело бы прекратилось, но оно так и живет.

Мы делали где-то раз в 3 года новогодние номера, не обычные, а праздничные. В шутовском формате, с юмором. Даже рисовали энеевские комиксы, пытались включить туда энеевские анекдоты. Но самое крутое что у нас было, это рубрика «Письма Деду Морозу». В фейсбуке и вконтакте мы создавали такие группы, которые до сих пор существуют, где люди в ноябре перед новым годом писали свои письма, все свои желания. Писали в группы, по смс, на электронную почту Газеты. Потом мы брали все эти письма и печатали в газете. Люди потом писали нам отзывы, что это все сбывается! То есть, эти письма Деду Морозу реально работали!